УДК 339, 325

Наталья КАРПОВА

ВЛИЯНИЕ ТРАНСГРАНИЧНОЙ МИГРАЦИИ НА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ПРИНИМАЮЩИХ СТРАН

Аннотация. В статье исследуются причины увеличения масштабов трансграничной миграции, а также влияние миграционных потоков на конкурентоспособность принимающих стран и их позиции в меняющейся мировой экономической среде. В условиях перехода к новому технологическому укладу трансформируются требования к человеческому капиталу, к масштабам и формам занятости, усиливается конкуренция между странами и компаниями, наблюдается рост противоречий и разногласий по многим ключевым проблемам, включая международную миграцию, которую всё чаще рассматривают в качестве явной или скрытой угрозы. Однако вопреки распространенным взглядам, страны – лидеры международных рейтингов, которые демонстрируют высокие социально-экономические показатели, как правило имеют наиболее высокую долю мигрантов в своём населении, реализуют многолетние стратегии их привлечения в целях национального развития. Сегодня возникла необходимость переосмыслить эти стратегии с учётом замедления темпов развития мировой экономики. Особое внимание автор уделяет проблемам европейской миграции в 2015–2019 гг., опыту Германии, а также ключевым аспектам дискуссий, практическим решениям и оценке перспектив с учётом российских вызовов в миграционной сфере.

Ключевые слова: мировая экономика, трансграничная миграция, конкурентоспособность, человеческий капитал, переход к Индустрии 4.0.

Миграция встроена в модель развития человечества. Движение населения как внутри стран, так и с пересечением одной или нескольких границ издревле реагирует на глобальные и локальные изменения природы и климата, экономики и политики. Почему же феномен беженцев и иных категорий мигрантов, прежде всего, из стран Ближнего Востока и Центральной Азии оказался серьёзным вызовом для Германии и современной Европы в целом? Даже с учётом высокой степени адаптации европейцев к масштабным “волнам” миграции не удалось избежать эффекта

© Карпова Наталья Станиславовна – кандидат экономических наук, доцент департамента мировой экономики факультета мировой экономики и мировой политики НИУ “Высшая школа экономики”. Адрес: 120001, Россия, Москва, ул. М. Ордынка, 17. E-mail: nkarpova@hse.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope62019149160>

неожиданности, проявлений беспокойства и даже протестных выступлений. Выделим лишь некоторые основания для такой реакции.

Во-первых, в 2015–2016 гг. общеевропейские границы оказались в большей степени открыты для представителей далеких в культурном отношении ареалов, отягощённых серьёзными социально-экономическими и политическими проблемами. Состояние физического и психологического здоровья мигрантов-беженцев, а также уровень их образования, профессиональных навыков и т.п. вызывали много вопросов. Большинство мигрантов составили молодые мужчины, которые стремились к долгосрочному пребыванию в принимающей стране и воссоединению со своими традиционно быстро растущими семьями. Закономерно обозначились риски «переноса» на европейскую почву части проблем стран исхода, включая террористические идеи. К тому же стало понятно, что требуются немалые бюджетные расходы, связанные с интеграцией беженцев, и обеспечением безопасности местного населения.

Во-вторых, общество до сих пор беспокоит отсутствие ясно сформулированных причин, которые привели к беспрецедентному притоку мигрантов, превратившегося из разовой гуманитарной акции в затяжной процесс. Стратегические цели и тактические задачи правительств в основном остались «за кадром». А на поверхности – непоследовательность намерений и действий в отношении беженцев: от привлечения и интеграции до игнорирования и высылки.

В-третьих, вопрос о мигрантах стал индикатором внутренних противоречий «Европы разных скоростей» и «национальных эгоизмов», катализатором смены правящих партий практически во всех странах ЕС. Возникло напряжение в отношениях стран-лидеров со странами «Вишеградской четвёрки» (и рядом других), традиционно выступающих донорами рабочей силы для более «богатых» западных соседей, с одной стороны, и реципиентами для стран, отстающих от них по уровню жизни – с другой. В силу сложившихся моделей развития и трудовой миграции они оказались не готовы на равных участвовать в кампаниях приёма беженцев в 2015–2016 гг. и выполнять соответствующие директивы ЕС, ссылаясь на избыточную нагрузку для их социально-экономических систем. По данным ООН, в 2019 г. в Европе находилось наибольшее количество мигрантов (82 млн). Германия по количеству проживающих мигрантов (13 млн) уже делит второе и третье место в мире¹ с Саудовской Аравией (13 млн), за ними следуют РФ (12 млн), Великобритания (10 млн) и ОАЭ (9 млн), Франция, Канада и Австралия (около 8 млн в каждой стране) и Италия (6 млн) [UN, 2019].

Годами копившиеся проблемы, прямо или косвенно связанные с масштабной миграцией, спровоцировали скрытое недовольство общества политикой властей, дали мощный импульс центробежным процессам в самом Союзе, включая брекзит. Подтверждением растущего напряжения стали общественные демонстрации против Глобального пакта ООН по миграции в декабре 2018 г. Несмотря на заверения главы ООН о рекомендательном характере пакта, протестующие указывали на то, что документ позволит «бюрократам» ЕС увеличить приток мигрантов.

¹ Первое место занимают США, где проживает большинство мигрантов (51 млн чел.).

Такого рода ожидания были отчасти подтверждены некоторыми шагами европейских правительств. В том же декабре 2018 г. в Германии был принят новый Закон о миграции, который расширил возможности для квалифицированных трудовых мигрантов из третьих стран и одновременно сузил пути нелегальной миграции. Он логически связан с принятым Германией ещё в 2012 г. Законом о голубой карте, соответствующим директиве ЕС 2009 г. (2009/50/ЕС) и целям Союза по формированию экономики, основанной на знаниях, в том числе за счёт привлечения высококвалифицированной иностранной рабочей силы. Тем не менее реакция в обществе на Закон 2018 г. оказалась неоднозначной в силу возникшего недоверия к миграционным инициативам властей и практикам последних лет. Создалось впечатление, что массовый допуск мигрантов-беженцев в 2015–2016 гг. или противоречит ранее заявленному курсу ЕС, или является вынужденной и неоднозначной мерой поддержания баланса на рынке труда Германии и других стран, ещё достаточно далеких от желаемой модели экономики знаний и заинтересованных в малоквалифицированной и демографически активной рабочей силе для поддержания падающей конкурентоспособности в условиях перемен мировой экономики.

В обсуждение проблем трансграничной миграции, особенно миграционной “волны” 2015–2016 гг., её последствий и возможного продолжения оказались вовлечены представители всех страт европейского общества. При всей многомерности дискуссионного поля можно выделить ключевые процессы и проблемы, связанные с глобальными изменениями мировой экономики и общественного развития, а именно:

- влияние миграции на создание и перераспределение национально-го/регионального богатства в условиях растущего мирового неравенства;
- изменение роли мигрантов в формировании конкурентоспособности и потенциала управления будущим стран и компаний в условиях перехода к новому промышленному укладу;
- появление новых стратегий и тактик привлечения трудовых мигрантов, борьбы за таланты с учётом развертывания Индустрии 4.0;
- смена векторов миграции, когда вместо традиционных “бедный Юг – богатый Север” (утрачивающих, по мнению экспертов, своё определяющее значение) появляются векторы в направлении новых полюсов развития, в том числе быстрорастущих городов и регионов;
- изменение характера миграции, сочетающей сегодня перманентную мобильность одних и вынужденную иммобильность других граждан, а также рост видимой непредсказуемости (на деле требующей анализа ситуационной обусловленности) их перемещений;
- трансформация социокультурного пространства принимающих стран под влиянием трансграничной миграции;
- изменение условий мировой экономики и нарастание неустойчивости; углубление кризиса “старой” и формирование “новой” глобализации в сочетании с болезненной симптоматикой межфазового перехода.

Трансформация миграции в эпоху межфазового перехода

Главным триггером перемен и обострений во многих явлениях и процессах, включая миграционные, и в целом в модели мирового развития выступает переход

к новому промышленному укладу с его Индустрией 4.0, глубокой перестройкой отраслевой структуры и масштабов занятости. В этих условиях высокообразованный человек с новыми компетенциями и предпринимательскими способностями становится важнейшим производственным фактором, стимулирующим возврат международных компаний в “материнские” страны. Однако в странах, где спрос на высококвалифицированную рабочую силу в инновационных отраслях растёт, предложение запаздывает на фоне “падающей” демографии.

Предполагается, что доступ к человеческому капиталу и его оптимальное использование должна также обеспечить Индустрия 4.0 с опорой на ИКТ. По мере её развёртывания расширятся уже имеющиеся возможности для дистанционного поиска, отбора, найма и использования персонала по всему миру. Многократно возрастёт доля временной и надомной (home-based) занятости, а также виртуальной и/или циклической мобильности, соответствующей стремлениям людей к выбору наиболее подходящей по условиям работе, в том числе в своей стране или регионе, и не требующей трансграничной миграции как таковой. На признаки формирования новой модели миграции – перманентной мобильности населения с тенденциями к регионализации – справедливо указывают исследователи [Цапенко, 2018: 992–1102]. При этом наблюдается снижение роли старой экстенсивной модели миграции под влиянием рецессии мировой экономики. Мировые миграционные потоки начали демонстрировать новую стратегию реагирования, адекватную условиям нестабильности рынков, включая рынки труда, а также в целом деловой и политической среды современного мира. Можно предполагать, что такое гибкое реагирование (по масштабам, динамике и географии) станет новой реальностью.

Конкурентоспособность страны и векторы трансграничной миграции

Страны всегда предлагали разные возможности и качество жизни гражданам на основе доступных им управляемых, а также ригидных (мало- или неуправляемых) факторов развития в целом. К ригидным факторам традиционно относят географическое положение, климат и природные ресурсы, а также отчасти культуру с её наиболее устойчивыми компонентами (языком, ценностями, верованиями, моделями поведения и т.п.), хотя и они подвержены влиянию внешней (ныне глобальной) среды. Управляемые факторы – материальное богатство, знание, технологии и прочие показатели созидательной силы и жизнеспособности нации. Демографические процессы отчасти могут поддаваться управлению при помощи целенаправленных социально-экономических мер, однако говорить о простых решениях тут не приходится. Обычно страны (подобно физическим лицам или компаниям) сохраняют (защищают) свои ригидные факторы и развивают управляемые факторы, фокусируясь на тех, по которым могут превзойти других. Именно эта концепция привела к возникновению теории специализации в международной торговле, развитой Д. Рикардо. Сегодня мир также стремится к развитию долгосрочных сравнительных преимуществ в рамках избранной специализации и использует стратегии аутсорсинга или оффшоринга в менее выигрышных сферах.

Способность создавать общественное богатство в самых разных формах (материальной, интеллектуальной, духовной) – ключ к определению конкурентоспособности страны (компании, индивида) в современном мире. Таким образом государства ре-

шают задачи настоящего и закладывают фундамент будущего. “Глобальная конкурентоспособность представляет собой систему координат для оценки того, как страны управляют своим экономическим будущим” [Garelli, 2018].

Такая логика и основанный на ней методологический подход присутствует в работах признанных авторитетов в этой области. Так, Институт развития менеджмента (IMD) уже 30 лет проводит международные сравнения конкурентоспособности стран и издаёт известный Ежегодник. Всемирный экономический форум (WEF) под глобальной конкурентоспособностью страны понимает её способность обеспечивать благосостояние для граждан на основе широкого набора показателей. И Форум, и Институт для оценки конкурентоспособности используют от 340 (IMD) до 400 (WEF) критериев, уделяя ключевое внимание ВВП на душу населения. По данным WEF, в 2018 г. Германия располагалась на 5-м, а Россия – на 43-м из 137 мест рейтинга глобальной конкурентоспособности. В рейтинге 2019 г. Германия опустилась на 7-е место. Россия сохранила свои позиции (43-е место), но она пока уступает многим странам в умении управлять своим настоящим и будущим [WEF, 2018, WEF, 2019].

Заметим, чем богаче страна (или регион), тем больше она удовлетворяет своих граждан. Одновременно и закономерно она привлекает мигрантов (т.е. “мобильные” факторы производства). Стремление людей к хорошей жизни – фундаментальная потребность, которую издревле часть граждан не могли или не хотели удовлетворять на родине, формируя потоки переселенцев. Анализируя данные о распределении ВВП на душу населения в мире, неравномерность которого с годами растёт, можно безошибочно объяснить устойчивые тенденции и статистику международной миграции, предсказать её векторы. Северная Америка, Западная Европа, а также ряд стран Азии, где высок уровень ВВП на душу населения, традиционно возглавляют список наиболее привлекательных регионов для миграции. Даже внутри стран прослеживаются аналогичные тенденции. Так, в Германии наблюдается явное преобладание доли мигрантов в наиболее экономически привлекательных областях. В западных землях 25–33% всего населения имеет “мигрантские” корни, в восточных – 6–7%, а в целом по стране – около 20%¹ [Uslucan, 2019]. Далекие от понимания особенностей мировой экономики беженцы безошибочно выбирали в качестве цели миграции наиболее успешные страны (регионы) ЕС, пересекая прочие без остановки.

Для граждан стран, стоящих ниже в рейтинге мировой конкурентоспособности (чаще для стран постсоветского пространства), Россия оказывается весьма привлекательным направлением для миграции. В 2015 г. РФ занимала 3-е место в мире среди стран, привлекающих мигрантов (после США и Германии), и 3-е место среди стран, служащих источником миграции (после Индии и Мексики) [ИОМ, 2018: 19]. После 2015 г. РФ переместилась на 4-е место после КНР в качестве источника международной миграции.

Понятие и восприятие богатства цементируется высоким уровнем ВВП на душу населения, но не ограничивается им. Программа развития ООН ещё в 1990 г. предложила интегрированный показатель качества жизни – *Индекс развития человеческого потенциала*, позднее *Индекс человеческого развития* (ИЧР). Как известно, ак-

¹ Преобладают выходцы из европейских стран (70%).

цент был сделан на оценке возможностей продолжительной, здоровой и “образованной” жизни. По результатам 2018 г. рейтинг ИЧР возглавили Норвегия, Швейцария, Австралия, Ирландия и Германия. Россия заняла 49-е место. В целом по миру отмечался значительный прогресс: 59 стран оказались в группе с очень высоким ИЧР, и только 38 стран – в группе с очень низким. В 2010 г. – 46 и 49 стран соответственно. Разрыв ещё очень велик. В этих условиях миграция остаётся наиболее действенным способом преодолеть неравенство для миллионов людей.

Теоретические и практические аспекты ограничения трансграничной миграции

Движение мигрантов к новому качеству жизни, как правило, означает приобщение к богатству, созданному гражданами принимающих стран. В этой связи у местного населения всегда возникали вопросы “по существу”. А не отберёт или не перераспределит ли мигрант в свою пользу экономическое и культурное богатство – природные ресурсы, жилой и общественный фонд, социальную инфраструктуру, гарантии, услуги и т.п.?

Современная миграция, подготовленная процессами глобализации с присущим ей ростом трансграничных потоков капитала, труда, информации и сопутствующих факторов, не избежала вопросов “по существу”. Более того, сосуществование миграции и интернационализации мировой экономики всегда протекало весьма противоречиво. Как известно, согласно международным соглашениям, товары могли перемещаться более свободно, чем трудовые услуги. Мобильность товаров позволила сделать их цены международными, т.е. сравнимыми в разных странах. Иная ситуация с зарплатами, которые существенно различаются даже при сходстве оплачиваемых трудовых навыков. Такой дисбаланс отмечался с начала XIX-го века, т.е. со времён уже упомянутого Д. Рикардо, который ратовал за свободную мобильность рабочей силы.

В последние десятилетия доминировала другая концепция, которую принято связывать с именем М. Фридмана. Суть концепции состоит в том, что трудовые услуги принципиально отличны от товаров, а свободная миграция и щедрое социальное государство несовместимы. Государство “всеобщего благоденствия” и, соответственно, поддерживающие его страны будут магнитом для мигрантов низкой квалификации и бедных людей разных категорий, стремящихся несправедливо, т.е. без должного вклада, воспользоваться его плодами за счёт местных граждан. Миграция в этом контексте подрывает финансовую устойчивость государства “всеобщего благоденствия”. Преобладание “рационального” экономического понимания привело к тому, что США начали ограничивать и регулировать миграцию с начала 1920-х годов, а Европа – с XIX века и во многом до настоящего времени. Временные исключения и сопутствующие им “волны” лишь изредка корректировали ограничения.

Ещё совсем недавно эксперты немецкого института IFO открыто критиковали отклонения от рационального подхода. Вот лишь некоторые красноречивые заголовки статей 2004–2011 гг.: “Германия, магнит благосостояния”, “Директива о свободном передвижении: бесплатный билет в государство всеобщего благосостояния”, “Миграционный шторм”, “Варвары или гении у ворот?”. Эксперты указывали на опасность для экономики страны “социальной миграции” [Razin, 2013].

Государственная политика РФ до 2010-х гг. также фокусировалась на ограничении трансграничной миграции, прежде всего, в связи с недостатком социальной инфраструктуры и институтов работы с мигрантами, стихийным недовольством граждан, наличием террористической угрозы.

Риски перераспределения богатства в пользу вновь прибывших всегда были в центре дискуссий, порождали протекционизм в миграционной политике многих стран. Однако одновременно существовали и набирали силу иные по направленности процессы.

Трансграничная миграция как фактор укрепления конкурентоспособности страны

Последние 30 лет в рейтингах глобальной конкурентоспособности IMD США практически бесспорно возглавляли или входили в “тройку” лидеров, в которой в 2018–2019 гг. делили места с Гонконгом и Сингапуром. В последние годы США лидировали и в рейтинге цифровизации (наряду с Сингапуром и Швецией). Только в глобальном рейтинге талантов в 2018 и 2019 гг. США занимали 12-е место в мире, а первые два были у Швейцарии и Дании. На третьем месте располагались Норвегия (в 2018 г.) и Швеция (в 2019 г.) [IMD, 2018; IMD, 2019].

Факторов сохранения лидерства США немало, однако отметим только миграционный аспект. В стране велика и растёт доля высококвалифицированных иностранных сотрудников. В производственных отраслях этот показатель в среднем составляет около 20%, в непроизводственных – более 25%. Особенно велика доля иностранцев в компьютерной и электронной индустрии, а также в секторе инновационных и быстрорастущих отраслей (50% и более) [Brown, Earle, Kim, Lee, 2019]. Политика привлечения “мозгов” уже много десятилетий проводится властями США. В то время как Европа за два последних десятилетия приняла 85% всех неквалифицированных мигрантов, переселившихся в развитые страны, США сохраняют привлечение образованных мигрантов со всего мира на уровне свыше 55% [Razin, 2013]. Стремление президента Д. Трампа ограничить нелегальную миграцию, по сути, имеет целью обеспечить её “правильную” структуру в интересах укрепления конкурентоспособности страны.

Страны, входящие в первую-вторую десятку лидеров рейтингов конкурентоспособности, включая цифровую и ИЧР, представлены в выборке стран с наибольшей долей мигрантов в населении (в %), а именно: Сингапур (45,4), Гонконг (37,4), Швейцария (29,4), Австралия (28,2), Израиль (24,9), Швеция (16,8), Ирландия (15,9), Германия (14,9), США (14,5), Норвегия (14,2), Великобритания (13,2) [IMR, 2017: 27–29]. Заметим, что, хотя в США проживает большинство мигрантов (51 млн, около 19% от общего числа в мире), их доля в населении до сих пор сравнительно невелика.

Несмотря на попытки ограничения, миграционные процессы продолжают развиваться. Особенно это касается стран с тенденциями сокращения и/или старения населения, использующих миграцию как важный ресурс развития. Достаточно вспомнить “волны” миграции в Германию начиная с 1947 г. 1-я “волна” (1947–1960 гг.) – германские беженцы и переселенцы; 2-я “волна” (1967–1973 гг.) – программа приглашения “гостевых” рабочих; 3-я “волна” (1975–1980 гг.) – воссоединение семей “гостевых” рабочих; 4-я “волна” (1985–1995 гг.) – объединение Германии; 5-я “волна” (1999–2003 гг.) – переселенцы в результате Балканских войн; 6-я “волна”

(2004–2007 гг.) – расширение ЕС; 7-я “волна” (2010–2015 гг.) – беженцы и переселенцы в результате ближневосточных конфликтов. Заметим, что движение населения в результате воссоединения Германии рассматривается наряду с внешней миграцией [Loeffelholz, 2018].

Нетрудно заметить, что все волны миграции формируются и используются как антикризисные средства для восстановления экономики. Цена рабочей силы всегда была важным фактором конкурентоспособности бизнеса. В этом плане привлекаемыми оказываются мигранты. Ещё до основного скачка 2015–2016 гг. можно было наблюдать подъём новой “волны”: к 2014 г. Германия уже лидировала среди стран ЕС в приёме иностранных граждан, включая беженцев.

Молодой российский капитализм также активно лоббировал приток дешевой рабочей силы и развивал свои “схемы” трудового импорта часто вопреки настроениям общественности и законодательству. По оценкам, только с 1992 по 2017 гг. в РФ въехало более 10 млн трудовых мигрантов из стран постсоветского пространства.

И Германия и Россия за счёт мигрантов часто преодолевают кризисные явления в своей экономике, восполняют потери в численности населения от *падения рождаемости* (а в случае с Россией и от роста смертности, особенно в 1990-е гг.) и дисбалансы в его возрастной структуре. Уже несколько десятилетий страны демонстрируют синхронность снижения коэффициентов рождаемости, которые колеблются на уровне не более 1,5–1,7 [OECD, 2018]. Возрастающая продолжительность жизни увеличила долю лиц старше 67 лет в населении Германии до 17% в 2018 г. По оценкам, эта доля к 2020 г. приблизится к 20%. Иначе, но в том же направлении идёт Россия.

В мире сохраняется спрос на мигрантов, потоки которых образуют наиболее сильные, молодые (в среднем 39 лет), “пассионарные” и амбициозные представители разных этносов. Они мигрируют не только из бедных, но и из благополучных стран и регионов. Скажем, немцы охотно едут работать и жить в Швейцарию с её более высокими зарплатами, превосходной экологией и качеством жизни; швейцарцы видят для себя перспективы в динамично развивающихся секторах экономики США; а американцы – в странах “поднимающейся” Азии.

У россиян существует давняя традиция и разнообразная современная практика с весьма противоречивым влиянием на конкурентоспособность: они мигрируют вместе с капиталами, знаниями, физическим и/или культурным потенциалом. За последние 30 лет, по оценкам экспертов, страны бывшего СССР покинули около 10 млн чел. Более половины выехавших составляют женщины. Их уровень образования, как правило, заметно выше, чем у местного населения. Из страны в отдельные годы уезжали целые научные и спортивные школы, однако РФ не вошла в группу стран, имеющих наибольшие денежные поступления от уехавших граждан. Наоборот, она занимает топовые места (3–8-е в разные годы) в списке стран-лидеров по объёмам переводов трудовых мигрантов за рубеж.

Ситуация в России, где приток мигрантов преимущественно низкой квалификации сочетается с многолетним оттоком капиталов и носителей предпринимательской и научной энергии, а позиция страны в мировой экономике в качестве сырьевого поставщика дополняется функцией донора талантов, безусловно вызывает беспокойство. “Временщиков” от бизнеса и государства многие годы устраивает ввоз непрехотливых и интенсивно работающих мигрантов вместо приобретения высокопроизводительного оборудования, создания достойных условий труда, в том

числе интеллектуального. В итоге велико число тех, кто продолжает покидать страну. К сожалению, оно будет только увеличиваться по мере роста заинтересованности в квалифицированных мигрантах и даже конкуренции за них в более благополучных странах. При таких потерях и “слабой” демографии неизбежно придёт-ся привлекать тех, кто готов прибыть взамен ушедших. Будет ли такой обмен полезен для конкурентоспособности страны сегодня, для её процветания завтра?

В 2018 г. Президент РФ утвердил Указом “Концепцию государственной миграционной политики РФ на 2019–2025 годы”. Согласно документу, целью миграционной политики является создание такой ситуации, которая способствует решению широкого спектра задач, прежде всего, в сфере социально-экономического, демографического и культурного развития страны. При этом отмечается, что в 2012–2017 гг. миграционный приток в РФ компенсировал естественную убыль населения и стал источником дополнительных трудовых ресурсов для национальной экономики. Среднегодовая численность трудящихся-мигрантов составила около 3 млн человек (3–4% от среднегодовой численности всех трудовых ресурсов) [Указ, 2018]. В утверждённой Концепции существенное внимание уделено инструментам правового и административного регулирования миграции. Однако до сих пор открытым остаётся вопрос роста привлекательности страны для наиболее ценных работников с учётом укрепления мирохозяйственных позиций России.

Деловые подходы к управлению миграцией: стратегии и инструменты

Конкурентоспособные страны и компании могут управлять факторами производства, включая человеческий капитал, используя стратегии наступательности и привлекательности. На это обращают внимание эксперты IMD. Так, Германия, Япония, Южная Корея и Китай в разные периоды демонстрировали целенаправленную *наступательность* для достижения лидерских позиций в мировом экспорте. Сегодня мы видим подъём “новых” государств Азии с аналогичной стратегией. С другой стороны, некоторые страны поддерживают свою конкурентоспособность с помощью *привлекательности*. Например, Китай, Сингапур, Ирландия, ряд других стран увеличили количество прямых иностранных инвестиций методами государственного стимулирования.

Однако практика показала, что *привлекательность* создаёт рабочие места (в том числе в секторе НИОКР) в странах, принимающих инвестиции, но при этом может снижать доходы государства из-за расходов на их стимулирование, а также вести к потерям в налоговых поступлениях в связи с известными механизмами трансфертных цен. В свою очередь, *наступательность* создаёт доход в родной стране, но стимулирует отток капитала (а также предпринимательской энергии) и препятствует созданию рабочих мест. На это обстоятельство стали обращать внимание во многих странах, в том числе и в связи с развёртыванием инновационных процессов, которые в отрыве от реального (перенесённого за рубеж производства и значительной части НИОКР) оказались в относительном вакууме. К тому же старение населения отразилось на возрастной и профессиональной структуре научных кадров. Во многом с этим связаны неоправдавшиеся надежды на быструю отдачу вложений в инфраструктуру и целевые программы инновационного развития в Германии и других странах ЕС. Некоторые учёные, предвосхищая время, указывали на эти дисбалансы.

Так, ещё в 2007 г. в книге “Может ли Германия быть спасена? Недуг первого в мире государства всеобщего благосостояния” проф. Х.-В. Зинн отмечал, что стечение ряда факторов может привести в 2020-е гг. к серьёзному замедлению роста социального обеспечения [Sinn, 2007]. Он неоднократно и часто, вопреки доминирующему мнению, заявлял о необходимости возвращать и привлекать инвестиции в страну, искать новые балансы.

Примером целенаправленного одновременного использования названных стратегий выступают США. Сегодня баланс видится в частичном возврате деловых ресурсов на территорию страны, однако с учётом интересов бизнеса простых и быстрых решений здесь не будет. Успехи Китая также можно связать с грамотным сочетанием обеих стратегий с опорой на собственный человеческий капитал, прирастающий поддержкой зарубежных диаспор.

Поиск новых подходов в ЕС инициировала Германия, предложив в феврале 2019 г. для обсуждения “Национальную промышленную стратегию 2030. Стратегические положения для германской и европейской промышленной политики”. В документе речь идёт о государственной поддержке промышленного сектора, без которой невозможно обеспечение конкурентоспособности европейских промышленных компаний на мировых рынках и возврат цепочек добавленной стоимости в Европу [Белов, 2019]. В этом контексте Закон о миграции 2018 г. с акцентом на привлечении квалифицированных мигрантов выглядит как элемент системного подхода.

На уровне международных компаний давно и успешно развиваются инструменты сегментации, отбора и развития персонала в соответствии с целями корпоративных стратегий и методами кросс-культурного менеджмента. Многие из накопленного делового опыта уже применяется в сфере управления миграционными процессами на государственном и международном уровнях. Однако значительные резервы ещё есть.

Выводы

Миграция издревле свойственна человеческому обществу. По сути, это старейшая стратегия решения проблем социально-экономического развития – борьбы с бедностью и неравенством, поиска источников роста и прогресса. В преддверии динамично нарастающей “волны” нового технологического уклада закономерно активизируются процессы трансформации и адаптации сложившихся систем и подсистем к уже наступившим и грядущим изменениям. Обостряется конкуренция вплоть до торгово-экономических войн, обновляются инструменты государственной политики и корпоративных стратегий борьбы за источники роста, в том числе за располагающих нужными компетенциями работников. Миграция получает новые импульсы и приобретает новые формы.

Статистика подтверждает, что чем богаче страна (или регион), тем больше она привлекает и использует мигрантов в интересах экономики и общества. Успешная миграционная политика строится на достижении баланса неизбежных рисков и издержек, с одной стороны, и возможностей разумного использования человеческого капитала и достижения целей национального развития – с другой.

Страны ЕС, включая Германию, играют важную роль в системе международной миграции преимущественно как реципиенты человеческого капитала. Однако в последние годы вопросы трансграничной миграции приобрели особую остроту, обнажив неравенство и противоречия между странами Союза. “Европа разных скоро-

стей” и “национальных эгоизмов” по-разному оценивает ситуацию и реагирует на новые вызовы. В условиях замедления роста и неустойчивости мировой экономики страны стремятся сократить возникающие риски и издержки, включая те, что связаны с миграционными потоками, оспаривают коллективные решения и предпринимают меры вплоть до выхода из ЕС.

Россия занимает ведущее место в системе европейской и международной миграции не только как донор, но и как реципиент человеческого капитала. Это свидетельствует о достаточно высокой привлекательности страны. РФ придерживается преимущественно реактивной стратегии поведения, совершенствуя принципы и инструменты административного регулирования складывающихся миграционных потоков. Текущая экономическая и политическая ситуация в стране и мире сдерживает переход России, располагающей как огромным потенциалом развития, так и высоким спросом на человеческий капитал, к проактивной политике формирования внутренних полюсов миграционного притяжения.

Как в странах ЕС, так и в России необходимо использовать более глубокую дифференциацию миграционных потоков и применять новые принципы и критерии сегментации, переосмысление стратегий и тактик привлечения труда мигрантов, а также методов борьбы за таланты с учётом трансформации технологического и социокультурного пространства. Возможно, именно в сфере трансграничной миграции начнётся человекоцентричное переосмысление роли факторов производства и конкурентоспособности, поиск “больших” идей, которые определяют главные траектории и контуры будущего мира.

Список литературы

Белов В.Б. (2019) Новая промышленная стратегия Германии – возврат к дирижизму? *Аналитическая записка*, № 4, (№155), с. 2–3.

Указ (2018) “О Концепции государственной миграционной политики РФ на 2019–2025 годы”, URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58986> (дата обращения: 16.03.2019).

Цапенко И.П. (2018) Трансграничная мобильность населения: обновление формата, *Вестник РАН*, т. 88, № 11, с. 992–1002. URL: <https://ras.jes.su/ras Herald/s207987840001529-0-2> (дата обращения: 25.01.2019).

References

Belov V.B. (2019) Novaya promyshlennaya strategiya Germanii – vozvrat k dirizhizmu?, *Analiticheskaya zapiska*, no. 4, (no. 155), pp. 2–3.

Capenko I.P. (2018) Transgranichnaya mobil'nost' naseleniya: obnovenie formata. *Vestnik RAN*, vol. 88, no. 11, pp. 992–1002, available at: <https://ras.jes.su/ras Herald/s207987840001529-0-2> (accessed: 25.01.2019).

Brown D., Earle J., Kim M., Lee K. (2019) Immigrant Entrepreneurs and Innovation in the U.S. High-Tech Sector Feb. 2019, IZA Institute of Labor Economics, DP No. 12190, available at: <http://ftp.iza.org/dp12190.pdf>.

Garelli S. (2018) 30 years of competitiveness research, available at: <https://www.imd.org/research-knowledge/articles/30-years-of-competitiveness-research>.

IMD (2018) World Competitiveness Rankings (WCR), available at: <https://www.imd.org/globalassets/wcc/docs/release-2018/ranking2018.pdf>.

IMD (2019) WCR, available at: <https://www.imd.org/contentassets/6b85960f0d1b42a0a07ba59c49e828fb/one-year-change-vertical.pdf>.

International Migration Report (2017). Highlights, UN, pp. 27–29, available at: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migrationreport/docs/MigrationReport2017_Highlights.pdf.

- Loeffelholz H. (2018) Immigration of Foreigners into Metropolitan Cities: Effects on Local Economy and Social Cohesion, Essen.
- OECD (2017) Health Statistics: Fertility rates 1970–2016, available at: <https://data.oecd.org/pop/fertility-rates.htm>.
- Razin A. (2013) Migration into the Welfare State, CES IFO Working paper no. 4230, available at: <https://www.nber.org/papers/w19346>.
- Sinn H.-W. (2007) Can Germany Be Saved? The Malaise of the World's First Welfare State. MIT Press: Cambridge, Mass
- Ukaz (2018) "O Konceptcii gosudarstvennoj migracionnoj politiki RF na 2019–2025 gody", available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58986> (accessed: 16.03.2019).
- UN (2019) The number of international migrants. 17 Sept., UN, New York, available at: <https://www.un.org/development/desa/en/news/population/international-migrant-stock-2019.html>.
- Uslucan H (2019) The Social and Psychological Relevance of Integration of Migrants: A View from Germany, Gaidar-Forum, Moscow, Jan.16.
- WEF (2018) The Global Competitiveness Report 2017–2018, available at: <https://www.weforum.org/reports/the-global-competitiveness-report-2017–2018>.
- WEF (2019) Global Competitiveness Report 2019, available at: <https://www.weforum.org/reports/how-to-end-a-decade-of-lost-productivity-growth>.
- World Migration Report (2018). IMO, Geneva, p. 19, available at: http://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2018_en.pdf.

Cross-border Migration in the Context of Competitiveness of Host Countries

Author: Karpova N., Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Department of World Economy and International Affairs, National Research University Higher School of Economics. **Address:** 17, Malaya Ordynka, Moscow, Russia, 120001. **E-mail:** nkarpova@hse.ru

Abstract. The article explores the causes of the escalation of cross-border migration problems, as well as the impact of migration flows on the competitiveness of host countries and their positions in the changing environment of the world economy. Against the backdrop of the transition to a new technological age, the requirements for human capital, the scale and forms of employment are transforming, competition between countries and companies is increasing, contradictions and disagreements on many key issues are growing. This includes international migration, which is increasingly seen as a clear or hidden threat. However, contrary to popular views, the leading countries of international rankings, which demonstrate high socio-economic indicators as a rule have the highest proportion of foreign migrants in their population and have been implementing strategies to attract and use them in the interests of national development. Today strategies need to be reconsidered in the light of the slowing global economy and the volatility of markets, including labor markets, as well as the challenges of the future. The author pays special attention to the problems of European migration in the 2015–2019s, to the experience of Germany, as well as the key subjects of discussions, the practical solutions and the assessment of prospects considering the Russian challenges in the migration sphere.

Key words: world economy; cross-border migration; competitiveness; human capital, transition to Industry 4.0.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope62019149160>